

ОБОЗЫ ЗВЁЗД

Обозы звёзд мерещатся реке,
Как зеркало пейзажи двуедины,
И, словно гончий пёс на поводке,
Ручей рывками падает с вершины
Холма высокого. Чуть слышим за холмом
Скрип снега – то последняя телега
Обоза под родительским окном
Остановилась в поиске ночлега.
Здесь слабое дыхание реки,
Ночные хищники в протоках междуречья –
Их взведены курками плавники,
Их жабры отфильтровывают вечность.
Здесь тени обескровленных берёз
И злые зёрна выбитых колосьев,
Здесь эго распускающихся звёзд,
Здесь леденящий свист из-под полозьев.
И видится свеча издалека,
И Господа пути исповедимы...
Моя здесь обрывается рука
В обратной перспективе пантомимы.
Здесь дети, породившие отцов,
Здесь пот искусника на складках плащаницы...
Не глядяваясь в лица мертвецов,
Берут поводья тёмные возницы.

СТОГ

Ох и тёртый ты калач, кособокий стог!
Я бегу от ливня вскачь, впрыть, не чую ног.
Ты не вырастешь, как гриб, часом, до небес?
Прелым сеном я облип, но в тебя залез.
Курам на смех теремок! От роду рябой,
Попросился мой дружок Венька на постой,
Дядя Пеша подошёл – курит самокрут,
Отгоняя комаров, что нещадно жгут;
Примостились косари (бабы, мужики) –
Не косить им до зари берега реки.
Дождик льёт как будь здоров – с радугой-дугой,
Отжиманием штанов занят род мужской.
Рядом Зойкина рука... Видеть не хочу,
Как бежит ручьём тоска по её плечу.

ПЕРЕВОДНЫЕ КАРТИНКИ

Стеклянный сон дождя да прибаутки снега –
Несмелая зима, нет времени светлей.
Последняя листва, упавшая с разбега,
Прощальный звездопад и эхо журавлей...
Сутулый грузовик – смешной полуботинок –
На почту... Ну и дверь! Толкну её плечом.
Мне папа обещал переводных картинок,
Где мальчик дверь открыл, но золотым ключом.
За стойкой «тётя Клав» (брусничный чай
с вагрушкой):
«Избегался, милок? Заказ твой привезли.
Вот терем-теремок, и Карлсон, и лягушка...
И ясный солнца свет за окнами вдали». Сижу, перевожу цветы, грибы в альбомчик.
Заветные друзья, пришедшие глазеть,
Беззлобно шелестят: «Везучий ты, Пахомчик».
Я грушу перевёл, стараясь не краснеть.

ТАТЬ

Провожали меня в неоглядную ночь
Одичавшие ветры полей.
Я прошёл, где пройти оказалось невмочь
Никому из твоих сыновей.
Но усердная смерть не всегда ко двору –
Я немел, опоясанный сном,
И мой череп гудел на хазарском пиру,
Отягчённый кровавым вином.
От засилья ножей пролетарских отчизн,
От ночей, чьим разбоем крещён,
Я цеплялся, как тать, за пропащую жизнь
И как тать был повешен – прощён.
Я оплавлен, как молнией дикий ручей,
Я растоптан, как осыпь земли,
Только вряд ли стряхнёшь, как песок с кирзачей –
Я не стану валяться в пыли.
Я не стану звездой простодушных небес,

Чтобы летом, когда звездопад,
Мне, сгорая, не падать на поле и лес,
На могилы убитых солдат,
Чтобы, тёплым дождём умываясь, ветла
К моему прикасалась плечу...
Я не умер тогда (ты тогда умерла!)
И теперь умирать не хочу.

ВРЕМЯ ТЬМЫ

Опять вся деревня без света,
Как в прошлом начале зимы, –
Достаточно слабого ветра

Для вечного царствия тьмы.
Фонарик, случайная свечка,
Бодрящий печной огонёк...
Мне скрасит растянутый вечер
Поющий за стенкой сверчок.
В потёмках осенних раздумий
Тревожен, избыточен час –
Мне кажется даже, что умер
И свет, исходящий из нас.
Глубокая мгла за оконцем,
Лишь ветра порывистый стон...
Душа умещается в донцах
Слезинок на ликах икон.

ПРИНЦИПЫ

Оскалил неправильный прикус обрывистый берег реки:
По принципу «накося-выкусь» висят на крючке червяки,
По принципу «шило на мыло» камыш распушил берега,
Ночного тумана кадило – из принципов «а на фига?»,
По принципу «наискось-сикось» плывут облака... зеленясь,
Копна, увенчавшая выкос, из князи, по принципу, в грязь.
Но есть беспринципная щука – чтоб жить карасю начеку...
Как Грека, из принципа руку по локоть я сунул в реку.
Навыорот-шиворот раки пугают вращеньем зрачков,
Из принципа окунь воякий позарился на червячков...
Вдруг замерло всё – шито-крыто. Из принципа вышла луна.
«Хочу я новее корыто», – решила старуха одна
Из принципа. Принципиален мой выбор: не буду жалеть
О яростном бое без правил по принципу «ёрш твою медь».
Прощай, мой отважный «матросик», придёт ещё время страдать!
С лукавой улыбкою осень небрежно взъерошила прядь
Берёзовой рощи... До дому, гремя оголтелым ведром,
Иду, ощущая истому, – добро возвратится добром.

АЛАВЕРДЫ

Я лёг на колкую траву во время сенокосных буден,
Мой сон разламывал халву и был нахраписто полуден.
Как спичек полный коробок, когда трясёшь его над ухом,
Как звёздной оплеухой стог, на миг оставленный без слуха,
Звучал мой сон... Алаверды, Бетховен. «Лунная соната»
Росой оплакала цветы и отступила виновато.
Приснился шарик-раскидай, его сосед по коммуналке
Мне дал, чтоб я на первой пошёл с отцом не из-под палки.
Я досаждал буквально всем: портретам Брежнева, Фиделя,
Особым людям без эмблем и пуделю Эммануэлю.
Но, яркий сдёрнув капюшон, который оказался бантом,
Вдруг, словно памятный Крюшо, стал кумачовой транспаранта.
Мы в жизни виделись не раз – мы с нею жили по соседству...
Мостками в школу, через грязь, прохлюпало, как носом, детство.
Пока внезапный ветерок туч растасовывал колоду,
Мне зябко думалось: кто Бог?.. Так и не выдумалось с ходу.

ВОЙНА МИРОВ

Мне сорок бочек арестантов наговорил вечерний плёс,
Кукушка – бой ку-ку-курантов и эхо уходящих гроз.
Сучит ветвями спелый ветер, настырно щёлкает сучок,
Дуб в фиолетовом берете присел к ручью на облучок.
Как человек, жёлудь в шляпке – осталось спички повтыкать.
Был ты, солдатик, голый, зябкий – теперь сумеешь воевать.
Пух (звать соседского мальчишку), он дядю Колю упросил
В песочнице построить вышку из старых брусьев и стропил,
А сам окопы сладил, пушки, упрятал знамя в лебеду...
Ему фирменные игрушки не снились в святочном бреду.
На гэдээровской танкетке я выезжаю! Я – герой!
И «выстрел» оказался метким: «Серёга, можно мне с тобой?»

НАРОД

Дымятся вербы у реки, частят скворцы на талой пашне...
Не прекращаются звонки в дверь, что закрыта нараспашку.
Час расстояния настал. Жильцы уютной коммуналки
Не провожают на вокзал, но дарят, что кому не жалко.
Дал дядя Ося монпансье, Петрович – перочинный ножик.
И завертелась карусель отъезда к бабушке Серёжи.
Москва-Бутырская чуть свет. Мой долг – на станции конечной
Бежать и выкупить билет, пока отец дотащит вещи.
Стародворянской, что давно мостили пленные французы,
Автобус (бледное пятно) ползёт, кряхтя от перегруза.
Два с половиною часа – всего шестнадцать километров,
Но светом родины в глаза душа наполнена и ветром.
Вот стайка плюшевых старух, что обсуждают дождик мелкий,
Их руки, их усталость рук – сеть грубых трещин на побелке,
Деды с окладами бород (фуражки сдвинуты на темя)...
Когда-то вера и народ, теперь – неверие и племя.
Вновь пересадка. Мы стоим, висим, лежим селёдкой в банке...
Часовня. Едковатый дым. И бабушка на полустанке.

ПРОГНОЗ

Вдоль дороги рассыпан, как листья, надоевший до смерти пейзаж.
За подкладкой – звон мелочи. Мысли не о том, что изношен пиджак,
Не о том, что ухабисто небо и туманом размыт горизонт,
Что расшатаны нервы, как вербы на пригорке, похожем на зоб.
Лес гудит корабельною снастью, стаи ласточек-береговых
Обещают, что будет ненастье: ветер, ливень, гроза после двух –
После двух или трёх пополудни (точно выверен птичий прогноз),
Шмель-пастух, щёлкнув розгою зычно, гонит стадо журчащих стрекоз.
На воде без особенной цели удит ваш непокорный слуга
Лихо рыбу, но вдруг потемнели недовольной реки берега!
Лодка быстро скользит перекатом, а на самом высоком холме
Пусто место становится свято, словно яркое пламя во тьме!
Как дочинят монахи обитель, отсусалят церковей купола,
Я зайду к ним, продрогший, на сбитень – поболтать про Христовы дела.